

УДК 130.2:159.9.016.1

Н. Е. Шолуха
кандидат культурології, доцент,
доцент кафедри філософії і політології
Харьківської державної академії культури

ТЕЛЕСНОСТЬ В КОНЦЕПЦИЯХ ЛЮБВИ СЁРЕНА КЬЕРКЕГОРА И РОЛАНА БАРТА

Постановка проблемы. Телесность является одной из востребованных тем культурфилософского дискурса, что обуславливается интенсивными телесными практиками в повседневности. От татуажа, эпиляции и пластической хирургии до прав трансгендеров и людей с ограниченными возможностями – так представлен тематический диапазон внимания к телесности в современном мире. В теоретическом измерении важным является решение вопроса о субъекте как психосоматической целостности, деление которой на логико-эмоциональную и физиологическую сферу более не является уместным, а фактор объединения всех разрозненных элементов в неразрывную цельность вирируется от автора к автору. Продуктивным в этом плане могут быть анализ и сопоставление концепций любви Сёрена Кьеркегора и Ролана Барта.

Анализ последних исследований и публикаций. Теоретическая база проблемы телесности как предмета культурологического анализа подкрепляется работами таких представителей философии, теории литературы и культурологии, как М. Бахтин, А. Лосев, И. Быховская (в работе которой дан обзор проблематики и «болевых» точек проблематики телесности в гуманитаристике [2]), М. Фуко, Г.У. Гумбрехт (интегрировавший телесность в гносеологический процесс [3]), а также исследованиями И. Кона в области социологии.

Целью статьи является осмысление концепций любви обоих мыслителей как вписываемых в исследовательское поле философии телесности.

Внутренняя логика статьи будет выстраиваться, опираясь на решение таких задач: выявление общих мест деятельности у датского философа Сёрена Кьеркегора и французского философа Ролана Барта; сопоставление их представлений о любви; интеграция идеи любви С. Кьеркегора и Р. Барта в культурфилософское исследовательское поле соматики субъекта.

Изложение основного материала исследования. Телесность как одна из тенденций современности и как плодотворная для изучения философией тема имеет массу трактовок: от богословских до постмодернистских. Дефиниция, оптимально отвечающая исследовательским задачам, ёмко высказана А. Лосевым, который обозначил *телесность как целостность человека* «с его психикой, с его умственным складом, с его личными особенностями» [7, с. 220]. Тогда как тем же целям отвечает такое определение субъекта: «носитель активности, деятель» [8, с. 112]. То есть субъект – это активная психосоматическая целостность. Подобная трактовка субъекта через физио-психологическую и эмоциональную монолитность легализует написание статьи в качестве попытки осмыслить концепции любви двух философов, общим местом которых и выступает *идея человеческой целостности, проявляемой в любви*.

При всём обилии аналитической литературы, посвящённой как проблемам философии Сёрена Кьеркегора, так и проблемам философии Ролана Барта, сопоставление их концепций любви, тем более в ракурсе культурфилософского изучения телесности, обнаруживает пробел, заполнением которого и попытаемся заняться в нашем исследовании.

Стартовой площадкой для поиска общих мест в творчестве С. Кьеркегора и Р. Барта выступает их философская и личностная *маргинальность*. По стилю мышления С. Кьеркегор вписывался не в свой XIX век, а в грядущий XX век, осязаемое влияние на экзистенциализм служит убедительным тому подтверждением. Главной загадкой личной жизни «копенгагенской аномалии» является истинная причина разрыва с его возлюбленной Региной Ольсен – мужская недееспособность, расстройство психики или же то, что

скрывалось за хрестоматийными словами самой невесты: «Он пожертвовал мною Богу». В свою очередь, балансирующее на грани между философией и литературной критикой интеллектуальное наследие Р. Барта трудно систематизировать, поскольку в нём понятие языка было спроецировано на все сферы культуры, что предоставило гуманитаристике безграничные исследовательские возможности. В личной жизни, сопровождаемой изнуряющей борьбой с туберкулёзом, мыслитель был сторонником однополых отношений, информацию о чём старался не афишировать.

Для анализа выбраны тексты С. Кьеркегора и Р. Барта, овеянные ореолом напускного ажиотажа и вписанные в ошибочные для них контексты. Так, «Дневник Обольстителя» (1843 г.) является частью кьеркегоровской работы «Или-Или», посвящённой эволюции личности от гедониста до радикально ответственного *за себя и перед Богом* человека. «Дневник...» посвящён описанию *стадии эстетика*, для которого наслаждение является единственно возможным путём самопознания. Сюжет книги, в которой главный герой Йоханнес соблазняет юную невинную Корделию, был воспринят жителями Копенгагена как подлинная история соблазнения Регины Сёреном. Поэтому философ стал изгоем в глазах целого города (более подробно о тексте и контексте «Дневника Обольстителя» – см. нашу статью [9]). Работа Барта «Фрагменты речи влюблённого» (1977 г.) с подчёркнуто хаотичной структурой «обломков дискурса» – «фигур» – о любовных состояниях, расположенных в алфавитном порядке, стала бестселлером, принесла автору всемирную известность, поместив его на Олимпе идолов поп-культуры вместе с Энди Уорхоллом и Франсуазой Саган. Радио- и телеэфир, интервью в журналах для массового читателя были последствиями восприятия широкой аудиторией «Фрагментов...» как любовного романа [4].

Сами же тексты позволяют вывести общие для философов представления о любви. Первое, что обращает на себя внимание, – это понимание *любви как механизма отношений*, которые можно выстроить. Телесность в данном случае выступает посредником между чувствами и реальностью. Герой С. Кьеркегора разработывает *методологию соблазна* Корделии, но не алчно и бесчувственно, а в духе личности автора – на грани с мазохизмом: внушить девушке, что она должна раствориться в своём обольстителе, всецело принадлежать ему, но не признавать ей, что сам обольститель «сгорает от любви» – *страдает всем телом*. Тогда как Р. Барт представляет *методологию зарождения, апофеоза и угасания любви*. Отметим, что авторский акцент ставится не на уникальности данного чувства у каждого влюблённого, а на *типичности* выражения своих чувств – все влюблённые одинаково тоскуют, ревнуют, ждут свидания, разочаровываются, репетируют разрыв. И все состояния – от зарождения до остывания чувства влюблённости – *пронзают собой человека во всей его психофизической целостности*, поэтому душевные раны могут быть приравнены к физическим увечьям, а поступки влюблённого служат проявлением любви. Состояние влюблённости становится такой же полосой приключений и волнений, как и у кьеркегоровского обольстителя: «Последствие – долгая полоса страданий, ран, тревог, невзгод, обид, отчаяний, смятений, ловушек» [1].

Второй элемент – *«моноличность» любви*. Название это достаточно условное, поскольку не отсылает к любви как партнёрству, а показывает только одну сторону отношений – кьеркегоровского обольстителя и бартовского влюблённого. Важным является то, что «визави» обольстителя и влюблённого присутствуют в текстах, но *посредством тела*, а не слова. Читателю доступны слова, мысли,

сомнения, ошибки, расчёты, фантазии Йоханнеса. Мысли Корделии появляются только в *пересказе* героя и соотносятся с героиней, которая доступна только через наклон головы, раскрытие зонтика, поворот шеи, румянец на щеках, рукоделие, поведение за обеденным столом, ночной визит к Йоханнесу.

Р. Барт использует точную терминологию, называя влюблённого «влюблённым субъектом», а возлюбленного – «объектом любви», о котором читатель узнает, аналогично с Корделией, по активности: он опаздывает на свидания, долго не звонит или, наоборот, навязчив. И если в «Дневник...» вкраплены фразы или записки Корделии, то Р. Барт настолько «очищает» объект от «звукового шума» слов, что описывает его как невинного, поскольку тот «ничего не знает о том зле, что мне делает» [1]. Таким образом, нельзя утверждать, что мысли «визави» нам не доступны, потому как любовь в исполнении и Корделии, и «объекта любви» представляется *действием*, в котором *под жестом подразумевается мысль и / или слово*.

Третьим общим элементом является *слово как средство выражения любви*. Оговоримся сразу, что речь идёт не о лингвистической редукции, которая, казалось бы, должна вытекать из предыдущего вывода, согласно которому Корделия и «объект любви» проявляют себя посредством жеста, соответственно, обольстителю и влюблённому достаются языковые практики. Слова выступают средством любви, а не её *вместителем*.

С. Кьеркегор даёт модель соблазна, которая осуществляется в намёках, комплиментах, письмах, жестах, случайных и умышленных прикосновениях, незапланированных встречах, где уместно сказанное слово способно смутить и влюбить в героя: «Взгляд, брошенный сбоку, как молния, обжигает вас: вы краснеете, грудь ваша волнуется, дыхание прерывается, в глазах мелькает гнев, гордое презрение... какая-то мольба... дрожит слезинка...» [5, с. 14].

У Р. Барта обнаруживается неприкрытая подача слова как, во-первых, носителя эмоций влюблённости, томления, ревности, разочарования, равнодушия, во-вторых, как сопряжённого с телом: «Язык – это кожа, я трусь своей речью о Другого. Слово у меня вместо пальцев слова – или слова заканчиваются пальцами. Моя речь содрогается от желания» [1].

Приведённая выше цитата позволяет перейти к четвёртому, центральному, элементу анализа – *тело как местителе любви*. Логическая склейка «слово – мысль – жест» в кьеркегоровском и бартовском текстах показывает, что уход любовных переживаний в область слова не постулирует отказа от тела. Наоборот, здесь чётко прочитывается идея психосоматической целостности субъекта, в случае которой не может быть деления на душу и тело, психику и физиологию, внешний и внутренний мир, ощущение чего демонстрируется с помощью тактильной, чувственной стилистики текстов.

Один из форпостов постхолокостной этики Эммануэль Левинас такими словами передавал аналогичную целостность, но в рамках рассуждения о хрупкости человеческой коммуникации, когда встреча Я с Другим делает его уязвимым морально и физически: «С головы до ног, до мозга костей Я есть уязвимость... Уязвимость – нечто большее (или меньшее), чем пассивность, получающая форму или принимающая удар. Уязвимость есть склонность «быть битым», «получать пощечины»: склонность, в которой любое существо, в его «естественной гордыне», постыдилось бы признаться» [6, с. 650]. Как левинасовский субъект полностью пронизан уязвимостью, так и кьеркегоровский и бартовский герои всецело пронизаны любовью – тело насыщается этим состоянием посредством слова, чем и обеспечивает целостность, формируется самодостаточная личность. Таким образом, любовь выступает фактором *самопознания и самораскрытия личности*.

Разница же между концепциями двух философов в таком предназначении любви заключается в том, что процесс становления личности С. Кьеркегор описывает *со стороны*, тогда как Р. Барт репрезентирует данную ситуацию *изнутри*.

Формирование самосознания Корделии, её духовный рост и личностное становление являются конечной целью её обольщения. Читаем у С. Кьеркегора: «Если бы наша помолвка оставалась в тайне <...> она бы тоже была интересна, но уже только в обыкновенном смысле. И вот теперь <...> союз наш порвётся – она сама его порвёт, чтобы *перейти границы обыденного и унести в высшие сферы*» (курсив наш – Н. Ш.) [5, с. 132]. Перешагивание за рамки норм, установленных обществом и самим собой, становится возможным в состоянии влюблённости, что и выступает главным побудителем личностного роста. Экзистенциальные мотивы пренебрежения обывательским представлением о счастье приводят к целостному, в представлении С. Кьеркегора, субъекту, сформированному любовью. Желание физической и эмоциональной близости с любимым, желание *слияния* с ним модифицируются в состоянии психологической зрелости.

Р. Барт, в свою очередь, передаёт процесс становления словами самого влюблённого: «Уже сотню лет принято считать, что безумие (литературное) заключается в словах: «Я емь другой»: безумие – это опыт деперсонализации. Для меня, влюблённого субъекта, всё совсем наоборот: именно то, что я становлюсь субъектом, не могу не стать им, и сводит меня с ума. Я не емь другой – вот что с ужасом констатирую я. Я нерушимо являюсь самим собой, и этим-то я безумен: я безумен, поскольку я самодостаточен» [1]. Бартовское достижение целостности становится возможным благодаря осознанию невозможности слияния с «объектом любви». Физическая и эмоциональная *разобщённость* двух погружённых в любовное состояние людей и обеспечивает искомую целостность каждого из них.

Становление личности тем самым представляет собой трансформацию кьеркегоровского оптимистического *желания* юной Корделии в бартовское *отчаяние* от невозможности своё желание реализовать в радикальной форме. Бесперспективность мысли о физическом и эмоциональном слиянии становится тем отрезвляющим фактором, который, согласно Р. Барту, обеспечивает целостность и зрелость субъекта. Телесность в данном случае выступает гарантом невозможности отсоединения от себя самого, переселения душ, слияния разумов.

Пятый элемент, на котором остановим своё внимание, это любовь *унисекс*. С. Кьеркегор и Р. Барт идут не путём *отказа* от половой принадлежности субъектов любви, даже не преодолевают её, а предлагают *оттолкнуться* от биологического пола как первой, но не единственной из базовых характеристик личности.

С. Кьеркегор показывает важность пола путём описания гетеросексуальной истории отношений Йоханнеса и Корделии. Но в итоге приходит к противоположному выводу: «Корделия не должна быть прикована к земле, а свободно парить в воздухе, не ходить, а летать, не описывать всё тот же круг, а неудержимо стремиться вперёд!» [5, с. 92]. То есть философ постулировал соблазн во имя личностного становления, а не женского счастья Корделии. Знаковость половой принадлежности заключается в словах С. Кьеркегора о том, что именно женщина обладает способностью перешагивания за свои пределы: «Взор молодой девушки всюду видит бесконечное, и переход в него для неё лишь легкий прыжок – прыжок женский, а не мужской; мужской в этом случае никуда не годится» [5, с. 93]. Мужжине подобный экзистенциальный скачок доступен путём интенсивных интеллектуальных занятий, требующих целеустремлённости и самоотверженной работы, то есть того, что свойственной мужской природе. Мужжине необходимо «подтверждать» свою мужскую природу действиями, ожидаемыми от него. Женщине же достаточно от своей природы отказаться, чтобы понять, что её натура не сводится к деторождению и супружеской жизни. Отказываясь от себя, женщина себя не теряет, а находит. Таким образом, биологический пол у С. Кьеркегора получает социальное и культурное значение.

Подобная ситуация у Р. Барта может на первый взгляд трактоваться как пренебрежение к полу. Но философ переносит акцент на универсальность понимания им любви как чувства, доступного носителю любого пола. Читаем

у Р. Барта: «Любовное чувство – это чувство-«унисекс», вроде нынешних джинсов и парикмахерских <...> Я считаю, что у мужчины, который любит женщину, у женщины, которая любит мужчину, у мужчины, который любит мужчину, и у женщины, которая любит женщину, тональность чувства окажется в точности одинаковой. Поэтому я и старался как можно меньше маркировать половые различия» [1]. Р. Барт в своих размышлениях движется от обратного С. Кьеркегору, поскольку подчёркивает, что его влюблённый и «объект любви» якобы *не обладают полом*, но в результате *к полу* мы и приходим, ведь философ практически воспевает право любить, ждать, страдать и не бояться этого *при любой половой принадлежности*. Из подобных размышлений вытекает общий для С. Кьеркегора и Р. Барта вывод о том, что пол важен как фундаментальный признак субъекта, перешагиванием через рамки которого и обозначается его совершенствование в любви.

Последний, шестой, элемент анализа – *равнодушие к интимной близости*. Секс присутствует имплицитно в обоих текстах, к нему подводят оба автора, он является конечной целью и подразумевается под каждым поступком и обольстителем, и влюблённым. Но сам процесс философов не интересует.

С. Кьеркегора больше интересует смущение, зарождение чувств Корделии, её мысли. Удовольствие герой может получить от самой фантазии о женском теле, доступном сквозь складки одежды, развеваемой ветром: «Маленький, белоснежный воротничок колышется, как листочек <...> она дышит полной грудью <...> Теперь сильный порыв, чтобы я мог *угадать* красоту форм! Ещё, ещё! Надо, чтоб складки платья облегли её плотнее. Нет, это слишком!» (курсив наш – Н. Ш.) [5, с. 59]. Педантично описывая мелочи гардероба и смену настроения на лице Корделии, С. Кьеркегор, вместо ожидаемого кропотливого описания сцены совращения, ограничивается тремя скупыми предложениями: «Гаснет свет... Почему не может продлиться такая ночь?... Но теперь всё кончено, и я не желаю более видеть её» [5, с. 140]. С. Кьеркегору важна сама *эмоция* любви, отслеживание зарождения и созревания этого чувства и то, как они отпечатываются в действиях Корделии. Важен сам процесс «собираения» влюблённой девушки в целостную личность.

Относительно секса Р. Барт созвучен С. Кьеркегору, хоть и говорит более философично: «Сексуальное наслаждение не метонимично: как только оно получено, оно и прерывается; то был праздник временного поднадзорного снятия запретов, которому всякий раз приходит конец» [1]. Складывается впечатление, что интимная близость трактуется как физиологический процесс, лежащий за рамками всего социального и культурного. Регламентация отношений между влюблёнными, обусловленная социумом, не распространяется на половую сферу. Но так ли это, ведь секс является одним из элементов культуры любви?

Обоих философов интересует культура отношения на уровне слов и мыслей, вербализация телесных практик, то есть сам механизм опосредованного проявления личности, а не в телодвижениях, на которые способно и животное. Тело и его естественные желания являются отсылкой к миру природы, тогда как философы действуют в рамках поля культуры – им интересна любовь как систематическая человеческая практика, а не животный порыв. Любовное состояние становится состоянием *разумным*, а не стихийным. Поэтому прочитывается не отказ от интима и не игнорирование физиологии, а *вписывание её в культурный контекст любви*: секс как *разумное* или *культурное* про-

ложение любви. И сама внутренняя логика «Дневника...» и «Фрагментов...» указывает на такую позицию, показывая, что любовь, присутствующая в человеке, является состоянием, разлагаемым на элементы, которые можно воспроизвести. Механизм, который можно применить в обольщении, как это сделал С. Кьеркегор, или описать как упорядоченное явление, как об этом написал Р. Барт.

Выводы. В выводах отметим, что в «Дневнике Обольстителя» и во «Фрагментах речи влюблённого» любовь показана не как слепая стихия, в которую погружается человек, а как структурированное состояние, имеющее алгоритм начинания, пребывания и выхода из него. Состояние, которое выполняет собирательную функцию для субъекта как психосоматической целостности, выводя его на уровень взаимодействия с другими в рамках культуры. Первоначально ориентируясь на вербальное проявление чувств, любовь становится полем целостной (без деления на внутреннее и внешнее, на душу и тело, сознание и физиологию) презентации субъекта. Состояние влюблённости рассматривается именно как *культура любви* – то, что доступно *исключительно человеку* и обеспечивает его формирование посредством задействованности субъекта как телесной целостности. Состояние показано как настолько закономерное, что С. Кьеркегор создаёт алгоритм искусственного погружения в него, а Р. Барт реконструирует все мысли и поступки влюблённого на универсальном, узнаваемом уровне. Подчёркнём напоследок, что описание любви как алгоритмизированного состояния не отсылает к холодному расчёту и корысти, а представляет собой «архетип» поведения – ритуализированный набор действий и эмоций, который для каждого, кто когда-либо соприкасался с ним, является практически священным.

Литература

1. Барт Р. Фрагменты речи влюблённого / Р. Барт ; пер. с франц. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.rulit.me/programRead.php?program_id=247832&page=1.
2. Быховская И. Человеческая телесность как объект социокультурного анализа (история проблемы и методологические принципы её анализа) / И. Быховская // Труды ученых ГЦОЛИФКа: 75 лет : Ежегодник. – М., 1993. – С. 58–68. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://lib.sportedu.ru/GetText.idc?TxtID=108>.
3. Гумбрехт Х.У. Производство присутствия: Чего не может передать значение / Х. У. Гумбрехт ; пер. с англ. – М. : НЛЮ, 2006. – 184 с.
4. Зенкин С. Дисквалифицированный теоретик (Заметки о теории, 30) / С. Зенкин // НЛЮ. – 2013. – № 122 (4). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.nlobooks.ru/node/3803>.
5. Кьеркегор С. Дневник обольстителя / С. Кьеркегор ; пер. с датского. – СПб. : Азбука-Классика, 2011. – 240 с.
6. Левинас Э. Гуманизм другого человека / Э. Левинас // Левинас Э. Трудная свобода ; пер. с франц. – М. : РОССПЭН, 2004. – С. 591–663.
7. Лосев А. Философия культуры / А. Лосев // Лосев А. Держание духа. – М. : Изд-во полит. лит-ры, 1989. – С. 218–238.
8. Петров И. Субъект и его характеристики в научной парадигме и аксиологии / И. Петров // Человек как субъект культуры ; отв. ред. Э. Сайко. – М. : Наука, 2002. – С. 115–130.
9. Шолуха Н. Сёрен Кьеркегор: инсталляция соблазна / Н. Шолуха // Коло : книгознавчий часопис. – 2014. – № 13. – С. 105–111. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://issuu.com/irynakurylo/docs/kolo_13_2014.

Анотація

Шолуха Н. Е. Телесность в концепциях любви Сёрена Кьеркегора и Ролана Барта. – Стаття.

В статье исследуются концепции любви Сёрена Кьеркегора и Ролана Барта как содержащие психосоматическую идею субъекта. Для анализа выбраны тексты «Дневник Обольстителя» Сёрена Кьеркегора и «Фрагменты речи влюблённого» Ролана Барта как позволяющие реконструировать представления обоих философов о любви. Любовь показана как универсальное для носителя любого пола состояние (Р. Барт), которое можно воспроизвести искусственно (С. Кьеркегор) в психосоматическом измерении культуры. Также состояние любви показано как структурированное явление, которое обеспечивает целостность субъекта и интегрирует его в культуру. Выделены и рассмотрены такие элементы концепций любви, как типизированность состояния влюблённости, монологичность, слово как посредник в любви, тело как концентрация состояния любви, культурная и физиологическая универсальность любви. Подчёркивается тезис о роли телесности в формировании субъекта посредством сопряжения внешнего и внутреннего в единое целое посредством любви.

Ключевые слова: телесность, культура, любовь, разумность, субъект.

Анотація

Шолуха Н. Е. Тілесність в концепціях кохання Сьорена К'єркегора та Ролана Барта. – Стаття.

У статті досліджуються концепції кохання Сьорена К'єркегора та Ролана Барта як такі, що містять психосоматичну ідею суб'єкта. Для аналізу обрано тексти «Щоденник Спокусника» Сьорена К'єркегора та «Фрагменти промови закоханого» Ролана Барта як такі, що дають змогу реконструювати уявлення обох філософів про кохання. Кохання показане як універсальний для носія будь-якої статі стан

(Р.Барт), який можна відтворити штучним шляхом (С.К'єркегор) у психосоматичному вимірі культури. Також стан кохання показаний як структуроване явище, що забезпечує цілісність суб'єкта, а також інтегрує його в культуру. Виділено та розглянуто такі елементи концепції кохання, як типізованість стану закоханості, монологічність, слово як посередник у коханні, тіло як концентрація стану кохання, культурна та фізіологічна універсальність кохання. Наголошується на тезі про роль тілесності у формуванні суб'єкта через зв'язок зовнішнього та внутрішнього в єдине ціле за допомогою кохання.

Ключові слова: тілесність, культура, кохання, розумність, суб'єкт.

Summary

Sholukho N. Y. Corporeity in concepts of love of Søren Kierkegaard and Roland Barthes. – Article.

The concepts of love of Søren Kierkegaard and Roland Barthes as the one containing psychosomatic idea of the subject are probed in the article. For an analysis texts are chosen «Diary of Seducer» of Søren Kierkegaard and «Fragments of speech of falling» of Roland Barthes in love as allowing reconstructing the pictures of both philosophers of love. Love is sowed as universal for the transmitter of any floor the state (R. Barthes) which can be reproduced artificially (S. Kierkegaard) in the psychosomatic measuring of culture. Also the condition of love is shown to be the structured phenomenon which provides the integrity of the subject and integrates it into culture. Selected and considered such elements of conceptions of love as typical states of amorousness, monologue, word as a mediator is in love, body as concentration of love, cultural and physiological universality of love. The thesis of corporeity role in formation of the subject by means of external and internal concatenation into the unity by means of love is underlined.

Key words: corporeity, culture, love, rationality, subject.